

В.Л. Коровин

**ЛОМОНОСОВ В ПОЭМЕ
С.С. БОБРОВА «ХЕРСОНИДА»:
К ВОПРОСУ О «НАУЧНОЙ ПОЭЗИИ»**

Аннотация

В дидактико-описательной поэме о Крымском полуострове «Херсонида» (1804; в 1-й ред. «Таврида», 1798) Бобров, стремясь сочетать поэтический вымысел с точностью сообщаемых сведений, использовал разные естественнонаучные сочинения. Среди них «Слово о явлениях воздушных» Ломоносова, которому Бобров следует в описании грозы и сопровождающих ее атмосферных явлений; здесь же Ломоносов появляется как персонаж – впервые в русской литературе. Автор «Херсониды» предвосхитил принципы «научной поэзии», обсуждавшиеся в нач. XX в. (В.Я. Брюсов и др.).

Korovin V.L. Lomonosov in the Bobrov's poem «Chersoninda»: To the question of «scientific poetry»

In his didactic descriptive poem «Chersoninda» Bobrov tried to syncretize poetical fancies with the strictness of information and used different scientific works: for example «The word of air phenomenon» by Lomonosov. From this tractate Bobrov got the description of the thunder-storm and companionon atmospheric effects. In «Chersonida» for the first time in Russian literature Lomonosov acts as a personage. The author of «Chersonida» anticipated the principles of «scientific poetry» discussed in the beginging of the XX century (V. Bryusov and others).

Ключевые слова: «Херсонида», дидактико-описательная поэма, научная поэзия.

Семен Сергеевич Бобров (1763–1810) как поэт чаще других напоминал своим современникам Ломоносова. И не только «вышешностью» своих сочинений (в стиле, жанровых предпочтениях, тематике и т.д.), но и ученостью, постоянно демонстрируемой и простирающейся в область естественных наук. По замечанию

Ю.М. Лотмана, «Бобров выступает как прямой продолжатель Ломоносова в стремлении создать научную поэзию. Физический мир, его законы и терминология занимают в его стихах наибольшее, после Ломоносова, место в русской поэзии XVIII–XIX вв.»¹.

Самое известное сочинение Боброва – «лирико-эпическое песнотворение» «Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом» (1804; в 1-й ред. – «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе», 1798). В этом «песнотворении» – едва ли не впервые в русской литературе – Ломоносов появляется как персонаж, причем представленный только одной стороной своей деятельности – не как «северный Пиндар» и наставник в красноречии или, например, сын холмогорского рыбака, поднявшийся до высот просвещения, а как ученый-естественник и экспериментатор, «списатель таинств естества»², выдвинувший определенные научные идеи.

«Херсонида» – это, в первую очередь, описательная поэма о Крымском полуострове, его природных богатствах и истории. Основываясь на трудах современных географов (в особенности П.-С. Палласа), Бобров «исчисляет» климатические зоны, рельефы, реки, минералы, растения, животных, птиц, насекомых и т.д. Поэма изобилует специальной научной лексикой, недостаток которой восполняется неологизмами (в сносках при этом указываются латинские эквиваленты)³. Во многом, в том числе в исторических экскурсах, видно стремление доставить читателю проверенные и точные сведения о новой присоединенной к России территории⁴. Наличие в поэме среди прочего чисто познавательного момента ставит ее в ряд европейских дидактических поэм XVIII в., особенно дидактико-описательных (Дж. Томсон и другие прославившие себя в этом жанре авторы упоминаются в «Херсониде» неоднократно).

В целом, однако, поэма Боброва – явление гораздо более сложное: это и религиозно-философская эпопея, в которой дан образ самого мироздания, полного тайн, и эзотерическое путешествие, несущее – в символической и аллегорической форме – некий (не до конца ясный) историософский и нравоучительный смысл, а кроме того, в поэме есть и автобиографические, и актуально-политические подтексты, и специфическая восточная экзотика, и др.⁵

«Херсонида» построена как описание одних летних суток (по примеру второй части «Времен года» Томсона, 1726–1730), но чистота жанра нарушена введением сквозного сюжета: двое мусульман, учитель и ученик, из паломничества в Медину возвращаются в горное крымское селение, а по пути ведут познавательное и нравственные беседы. К полудню они поднимаются в горы, прячутся от зноя в пещере, предаются там историческим воспоминаниям, и тут над Таврическими горами гремит гроза.

Здесь – в кульминационной VI песни поэмы (всего их восемь) – и возникает Ломоносов. О нем вспоминает автор, размышляющий о правосудии и гнев Божием: перед бурей «тот, кто чист», «не содрогнется», и «тот, кто прав», «не подвигнется», «хотя б ревуща пала твердь в развалины вселенной дымны» (2, 203). Ломоносов – в религиозно-философском плане поэмы – как раз и являет тот чистый и правдивый «высокий дух», который не ужасается не только бури, но и «прещения судьбы» (2, 210). Он противопоставлен «изуверу» (безбожнику), утверждавшему, что «Бог быть должен Бог любви... и быть лишь токмо милосердным» к его «буйственным желаньям» и «глумленьям диким вольнодумства», а теперь бледнеющему перед молнией, «горящей колесницей мщенья» (2, 204–205). Молния – это орудие Божественной справедливости, пробуждающее в «изувере» «иный перун» – «разящую совесть» (2, 205). Но тут же автор задается другим вопросом: «всегда ль» удар молнии «прицелен на чело злодея?»:

*Коликокрaт неосторожна
Невинность гибла от нея?
Несчастный Рихман! пусть моя
Слеза на миштый гроб твой канет!*
(2, 205)

Ломоносов в известном письме к И.И. Шувалову от 26 июля 1753 г., рассказав об обстоятельствах гибели Г.-В. Рихмана при испытании «громовой машины», высказал опасение, «чтобы сей случай не был протолкован противу приращения наук»⁶. Бобров, прямо сославшись на это письмо (2, 208), вступает за «науки»: причиной гибели Рихмана была не дерзость естествоиспытателя, вступившего в якобы запретную область, а судьба, «парка хитра», скрывшаяся в «железном пруте» еще при его рождении и только

ждавшая своего часа (2, 206). Иными словами, так уж было ему суждено.

*Но Ломоносов, друг его,
Не так несчастлив был тогда...*

<...>

*Он самый жребий превозмог;⁷
Прешедши философский мир,
Достиг святыни природы.*

(2, 206)

И здесь предоставляется слово самому Ломоносову. Его речь занимает более 100 стихов: это рассуждение о природе атмосферного электричества, плач над Рихманом и увещание тех, кто исследование грозы почитает безбожным делом (см.: 2, 206–210). М.Г. Альтшуллер писал, что в этой речи «сочетаются прославление смелого научного эксперимента и меланхолическая медитация в духе карамзинизма», в чем сказала «эkleктическая литературная позиция Боброва»⁸. И все-таки – в основании этого фрагмента, преимущественно первой его части («Скор быстрый шаг бегущих ветров... <и т.д.>»), и в целом в описании грозы в VI песни, особо отмечавшемся современниками Боброва⁹, находится один текст – ломоносовское «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1753).

Собственно текстуальная зависимость здесь минимальная – меньшая, чем можно было бы ожидать, зная другие аналогичные опыты Боброва. Например, одно его стихотворение на ту же тему – «Обузданный Юпитер, или Громовый отвод» – полностью строится на одном из «Писем о разных физических и философических материях...» Леонарда Эйлера, русский перевод которых по изданию 1772 г. Бобров обильно цитирует в сноске и использует в поэтическом тексте (см.: 1, 300–305, 615–616). А в самой «Херсониде» целые куски, причем иногда довольно объемные, – простые парафразы, почти дословные стихотворные переложения из книги Палласа, переведенной на русский язык И.С. Рижским¹⁰. Со «Словом о явлениях воздушных» дело ограничивается заимствованием некоторых выражений, в основном терминологического характера («сгибы» и «выгибы» молний, «тонкие частицы», «сжатая» и «жидкая» воздушные части, земные «скважины» и т.п.). Очевидно лишь, что в своих в данном случае вполне оригинальных стихах

Бобров старается не погрешить против самой ломоносовской теории атмосферного электричества, популярно изложенной в «Слове о явлениях воздушных». Интересней не текстуальная, а композиционная от него зависимость, не случайно, на наш взгляд, обнаруживающаяся в «Херсониде».

Ломоносов в своем «Слове», говоря о происхождении электричества от движения вертикальных воздушных масс, «от теплоты и трения паров», «грением солнечных лучей»¹¹, замечает, что грозе часто предшествует зной, что «тяжкие громом и молниєю тучи по большей части после полудни всходят и около третьего и четвертого часа случаются, когда действие солнца в согрении воздуха всех больше чувствительно»¹²; объясняет причины скопления и движения паров в воздухе, дает их внешнее описание; советует (особенно находящимся в гористой местности) укрываться от грозы в «подземных ходах, подобных рудникам горным»¹³; затем говорит о ливневых дождях и выпадении росы («...оставив облаков блистание и треск, кротчайшим воздушным явлениям хочу последовать и, по толь многих воспалениях и пожарах, прохладить вас приятныя росы воспоминанием»¹⁴), а под конец рассуждает о Северном сиянии и «хвостах комет», которые во многих возбуждают «неосновательные страхи»¹⁵.

Бобров в описании атмосферных явлений, сменяющихся в течение его «лучшего летнего дня», точно следует за Ломоносовым, не упуская даже некоторые необязательные детали.

Так, в начале IV песни он описывает «силу полуденного зноя» и «горячий ветер»; в V песни – скопление паров в воздухе и образование грозовых туч (что происходит как раз через несколько часов после полудня, занятых рассказом шерифа о «древностях Таврического полуострова»); в VI песни – самую грозу с разнообразными молниями, от которой его путники укрываются именно в подземной крепости (как и советовал Ломоносов), а под конец той же песни, по «отшествии грозы», утешает читателей описанием выпавшей росы, «возобновленного труда растений», «радости животных» и, наконец, радуги. В связи с этим последним «кротчайшим воздушным явлением» Бобров вновь вспоминает Ломоносова, но уже другое его сочинение – «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющую» (1756):

*Се! – радости прекрасный пояс,
Семью цветами испещренный,
В завет погибели минувшей...*

<...>

*Здесь, – остроумный Ломоносов,
Списатель таинств естества!
Сии растопленные тучи,
Влечась против лица светила,
Тебе в дождях явили призму
И в поясе желто-зеленом
Те показали нити света,
Которых седмичны роды
Ты столько тщишься развязать.*

(2, 218)

В конце последней VIII песни «Херсониды», как и в конце «Слова о явлениях воздушных», заходит речь хвостатых кометах. Правда, Ломоносов говорит о напрасном опасении, что кометы «великие потопы на земле производят»¹⁶, а Бобров – о дурных предзнаменованиях, смущающих маловерных.

*Она страшна, – кого ж страшит? –
Порок, – слепое суеверье
И зависть, крадущу средь ночи
Сон сладкий у самой себя.*

(2, 265)

Последнее соответствие, вероятно, все-таки непреднамеренное, поскольку Бобров имеет в виду вполне определенное явление – комету Галлея, прошедшую через перигелий в 1682 г., в год воцарения Петра I, и вновь ожидаемую в 1835 г, и это композиционно значимый образ для всего его четырехтомного собрания стихотворений, «Рассвета полночи», четвертый том которого составила «Херсонида». Зато другие соответствия едва ли могут быть случайными: они вполне объяснимы и имеют ясную мотивацию – желание дать достоверное изображение грозы и атмосферных явлений, обычно ей предшествующих и за ней следующих. «Слово о явлениях воздушных» Бобров должен был рассматривать как достаточно авторитетное в этой области руководство. Вероятно, без него можно было обойтись, тем более что Бобров имел перед глазами литературный образец и не раз при сочинении своей поэмы им пользовался – это те же «Времена года» Томсона, где есть и

гроза, и невинно погибшие от нее (влюбленная пара), и функционально близкий бобровскому Ломоносову ученый муж (Ньютон)¹⁷. Но Бобров, не чуждаясь, конечно, заимствований, был все же новатором в поэзии и, как правило, избегал готовых литературных шаблонов, что хорошо чувствовали современники: «Он идет по следам, ежели есть они; прокладывает сам себе стезю, если еще оной не было, и последнее чаще в нем примечается, нежели первое»¹⁸.

В позднейшей своей поэме – «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» (1807–1809) – представил поэтическую историю заблуждений человечества до Христа, соединив поэтический «вымысел» (в пространственно-временной организации поэмы) и «историю» (в изложении верований древних именно так, как они виделись современной ему исторической науке)¹⁹. В «Херсониде» место истории занимает мир физический. Соответственно, идеи о его устройстве и закономерностях Бобров черпает в трудах Ломоносова, Палласа и других авторов, которые для него олицетворяли высоты современного естественнонаучного знания.

Не будет слишком большим преувеличением сказать, что в «Херсониде» и некоторых других своих сочинениях Бобров предвосхитил принципы «научной поэзии», которые в России в начале XX в. (вслед за французским теоретиком и поэтом Рене Гилем) пропагандировал В.Я. Брюсов. Он понимал дело так, что поэт «должен стоять на уровне современного знания и обладать сознательным мирозерцанием», а не уподобляться тем, кто все еще продолжает «лепетать прежние песенки: о лунных ночах, о прелести весны, о красоте моря, о устах милой, о свирели пастушка»²⁰. При желании не трудно увидеть за этими формулировками давнее противостояние «кархаистов» (к которым причисляют Боброва) и карамзинистов²¹, оды и элегии, и т.п.

Самая эклектичность позиции Боброва, сполна выявившаяся в «Херсониде», соседство мистических прозрений, философствования, моралистики и «сухих» естественнонаучных сведений, эпического размаха, одической громкости, элегических жалоб и т.д., в контексте литературы модерна начала XX в. могла быть истолкована как новый «синтез», воскрешающий поэзию древних, которые «не знали вражды между наукой и искусством. В хороводе девяти муз Эрато, покровительница элегии, шла рядом с Клио, ве-

давшей историю, и Полигимния, властительница лирики, держала за руку Уранию, богиню астрономии»²².

-
- ¹ Лотман Ю.М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. – Л., 1971. – С. 49.
- ² Бобров, Семен. Рассвет полночи. Херсонида: В 2 тт. / Изд. подготовил В.Л. Коровин. – М., 2008. – Т. 2. – С. 218. (Лит. памятники). Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи (том, страница).
- ³ См.: Петрова З.М. Заметки об образно-поэтической системе и языке поэмы С.С. Боброва «Херсонида» // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В.В. Виноградова. – Л., 1971. – С. 78–80.
- ⁴ Позднейшие критики, как правило, ученый педантизм Боброва отмечали с осуждением, поскольку «грации не любят сухой учености» (Крылов А.А. > Разбор «Херсониды», поэмы Боброва // Благонамеренный. – 1820. – Ч. 17. – № 11. – С. 423).
- ⁵ См.: Альтикуллер М.Г. С.С.Бобров и русская поэзия конца XVIII – начала XIX в. // XVIII век. Сб. 6. – Л., 1964. – С. 233–236; Зайонц Л.О. 1) К символической интерпретации поэмы С. Боброва «Таврида» // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 882. – Тарту, 1992. – С. 88–104; 2) Natura naturans: К поэтике антропоморфного пейзажа у Семена Боброва // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. статей в честь Т.В. Цивьян. – М., 2007. – С. 90–109; Коровин В.Л. Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество. – М., 2004. – С. 46–55; Булгакова А.А. Образы движения в лиро-эпической поэме С. Боброва «Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом» // Литературная культура XVIII в.: Материалы XXXVI Международной филологической конференции. – СПб., 2007. – С. 103–111. Это лишь некоторые из уже немало-численных работ о поэме.
- ⁶ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Ч. 1. – СПб., 1784. – С. 333.
- ⁷ Дважды, как минимум, возникающий в «Херсониде» мотив одоления Ломоносовым самой судьбы мог быть подсказан его стихами – например, известными строками из его переложения оды Ж.-Б. Руссо «На Счастье», выполненного в состязании с А.П. Сумароковым в 1759 г.: «Вотще готовит гнев Юноны / Энею смерть среди валов, / Премудрость! чрез твои законы / Он выше рока и богов».
- ⁸ Альтикуллер М.Г. Ук. соч. – С. 235.
- ⁹ Несколько больших фрагментов из VI песни «Херсониды» М.И. Невзоров перепечатал в своем журнале под заглавием «Описание грозы г. Боброва» (Друг юношества. – 1811. – № 10. – С. 100–124).
- ¹⁰ Краткое физическое и топографическое описание Таврической области, сочиненное на французском языке Петром Палласом... и переведенное Иваном Рижским. – СПб., 1795. Переложенные Бобровым в стихи отрывки из этой

- книги см. в примеч. к изд.: *Бобров, Семен*. Рассвет полночи. Херсонида. Т. 2 (по указателю).
- ¹¹ *Ломоносов М.В.* Избр. произведения: В 2 тт. Т. 1. Естественные науки и философия. – М., 1986. – С. 166.
- ¹² Там же. – С. 175.
- ¹³ Там же. – С. 183.
- ¹⁴ Там же. – С. 184.
- ¹⁵ Там же. – С. 190.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Многочисленные в поэме Боброва реминисценции из Томсона указаны и разобраны в статье Ю.Д. Левина «Английская поэзия и литература русского сентиментализма» (см.: *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России. – Л., 1990. – С. 198–201).
- ¹⁸ <*Мартынов И.И.*> Рассмотрение книги «Рассвет полночи» // Северный вестник. – 1804. – Ч. 2. – № 4. – С. 34.
- ¹⁹ См.: *Коровин В.Л.* Ук. соч. – С. 95–111.
- ²⁰ *Брюсов В.Я.* Литературная жизнь Франции. Научная поэзия <1909> // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 тт. Т. 6. – М., 1975. – С. 169, 166. Подробнее о дискуссиях вокруг «научной поэзии» в нач. XX в. см. в кн.: Рене Гиль – Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915 / Сост., подг. текста, вступ. статья, прим. Р. Дубровкина. – СПб., 2005.
- ²¹ Ср. известное высказывание Н.М. Карамзина, содержащее, как полагают, намек на Боброва: «Молодому питомцу Муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот Природы, нежели разрушение мира, всеобщий пожар Натуры и прочее в сем роде» (Аониды, или собрание разных новых стихотворений. Кн. 2. – М., 1797. – С. VI). С принципами «научной поэзии» в брюсовском понимании более согласуется как раз «всеобщий пожар Натуры и прочее в сем роде».
- ²² *Брюсов В.Я.* Литературная жизнь Франции. Научная поэзия. – С. 175.